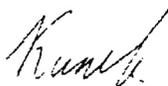

0-779880

На правах рукописи

Килькеев Владимир Николаевич

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ
КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ КЛИФФОРДА ГИРЦА**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Белгород – 2009

Работа выполнена на кафедре социологии
ГБОУ ВПО «Смоленский государственный университет»

- Научный руководитель:** кандидат философских наук, доцент
Итунина Нина Борисовна
- Официальные оппоненты:** доктор философских наук, профессор
Климова Светлана Мушайловна
кандидат философских наук, доцент
Кожемякин Евгений Александрович
- Ведущая организация:** **Российский институт культурологии**
Министерства культуры РФ

Защита состоится 25 декабря 2009 г. в 12.00 на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 по философским наукам при Белгородском государственном университете (308000 г. Белгород, ул. Преображенская, 78).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Белгородского государственного университета (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан « 24 » ноября 2009 г.

Автореферат размещен на сайте: <http://www.bsu.edu.ru>

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Т.И. Липич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. На протяжении последних десятилетий одной из основных для российской науки была и остаётся задача интеграции её в более широкий мировой контекст. Выражением этого процесса стало развитие совершенно новых для российской науки областей, которые начали формироваться под влиянием мировых традиций. Это касается, в частности, институционализации в нашей стране социальной (культурной) антропологии.

Последние десятилетия для западной гуманитаристики были отмечены неуклонным ростом престижа социокультурной антропологии: исследовательские подходы и научные концепции, разработанные в рамках этой науки, начинают использоваться в смежных дисциплинах, таких, как социология, история, психология, литературоведение, культурология. Влияние «антропологического взгляда на вещи», «антропологического подхода к исследованию» и «антропологической манеры описания» испытывают на себе всё новые и новые области, что приводит к антропологизации всей социогуманитарной сферы. Однако в нашей стране до последнего времени наблюдалась некоторая оторванность научного сообщества от этой тенденции в силу того, что отечественные исследователи не были широко ознакомлены с идеями, определявшими развитие западной гуманитарной науки в последние десятилетия XX века.

В рамках культурной антропологии следует выделить интерпретативный подход, автором которого является американский учёный Клиффорд Гирц (1926–2006). Развившаяся на его основе интерпретативная антропология оказала наиболее осязаемое влияние на интеллектуальный климат и концептуально-терминологический аппарат философии, истории, политологии, социологии, литературоведения, культурологии и многих других дисциплин в последней четверти XX века.

Однако, несмотря на широкую популярность на Западе, в России идеи Клиффорда Гирца получили довольно скудное освещение. Освоение интеллектуального наследия американского антрополога и его последователей остаётся делом немногих. И хотя в последние годы ситуация меняется в лучшую сторону, многие аспекты культурной антропологии Гирца остаются недостаточно освещёнными в отечественной научной литературе. Это осложняет

восприятие дискурса зарубежной гуманитаристики, что препятствует успешному включению в него отечественных учёных.

Особенно перспективной, на наш взгляд, является рецепция идей интерпретативной антропологии отечественными культурологами. Сравнительно молодая дисциплина, находящаяся в данный момент в нашей стране в процессе институционализации, могла бы значительно обогатить свой методологический арсенал, обратившись к традициям культурной антропологии США. Однако целью такого обращения должно быть не прямое заимствование, а критическое переосмысление теоретико-методологических принципов этой науки с дальнейшим творческим их применением в отечественной культурологии.

Степень разработанности проблемы. В советской научной литературе имя Клиффорда Гирца практически не упоминалось. Возникновение интереса к американскому антропологу в нашей стране относится к началу 1990-х годов. В те годы отечественные этнографы и антропологи обратились к западным научным традициям в поисках собственного места в мировой науке и определения дальнейшей стратегии развития. Серьёзное внимание на значение идей К. Гирца в развитии западной науки обратили и постарались сделать затрагиваемую в его работах проблематику предметом полемики отечественных этнографов В.А. Тишков и Д.Д. Тумаркин. Основные положения интерпретативного подхода к культуре впервые начали освещаться в российских научных публикациях Ю.Н. Емельяновым, Н.Г. Скворцовым, А.В. Тавровским, П. Рубел, М. Чегринец; в учебных пособиях и лекционных курсах – А.А. Никишенковым, С.В. Лурье, Э.А. Орловой, И.Ф. Девятко, Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романовым. Первая попытка систематического изложения идей американского культурного антрополога и процесса их эволюции в историографическом аспекте принадлежит перу А.Л. Елфимова.

Анализом положений интерпретативного подхода с позиций собственно культурной антропологии, культурологии и этнографии за рубежом занимались Э. Брунер, Р. Вагнер, В. Валери, Дж. Ван Маанен, М. Карритерс, Р. Кисинг, Э. Купер, Т. Мараньяно, В. Крапанзано, С. Наджент, С. Рейна, Дж. Спенсер, М. Стретерн, С. Тайлер, Ш. Трэвик, В. Тэрнер, П. Шэнкман и др.; у нас в стране – В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин, А.Л. Елфимов, В.Р. Рокитянский, С.А. Шандыбин, П. Рубел и М. Чегринец и др.

Рецепция и развитие предложенной К. Гирцем концепции культурной антропологии осуществлялась зарубежными, прежде всего североамериканскими антропологами, такими как М. Агар, Дж. Бун, Д. Кашмен, Дж. Клиффорд, Дж. Маркус, М. Фишер, Ш. Ортнер, П. Рабиноу, М. Росальдо, Р. Росальдо и др.

Интерпретативная методология К. Гирца в рамках культурной антропологии, а также в аспекте её применения на материале других наук рассматривалась в работах зарубежных и отечественных учёных, таких как С. Гринблатт, Дж. Леви, Дж. Винсент, И.Ф. Девятко, И.Т. Касавин, А.Л. Зорин, В. Костырко, М.В. Тлостанова, О. Христофорова и др.

Идеи Клиффорда Гирца и его последователей привлекли внимание ряда отечественных философов, в первую очередь тех, чья сфера интересов включает эпистемологическую проблематику. Среди них следует выделить Л.А. Микешину, И.Т. Касавина, О.Б. Кошовец, С.К. Матисова, П.В. Шведова.

Однако, несмотря на то, что интерпретативный подход во всём многообразии его проявлений и трактовок является предметом интереса многих зарубежных и отечественных учёных, работ, посвящённых комплексному рассмотрению теоретико-методологических принципов культурного исследования, предложенных Клиффордом Гирцем и получивших развитие в работах его последователей, нет. Это обуславливает актуальность настоящего исследования для отечественной культурологии, развитие методологической базы которой в настоящем должно стать основой для дальнейшего роста и укрепления своих позиций среди других гуманитарных дисциплин в будущем.

Объект настоящего диссертационного исследования – *интерпретативная антропология Клиффорда Гирца как философско-культурологическое направление.*

Предметом данного исследования являются *теоретико-методологические принципы интерпретативной антропологии Клиффорда Гирца.*

Целью настоящего диссертационного исследования является *реконструкция и анализ теоретико-методологических оснований и особенностей интерпретативного подхода в культурной антропологии Клиффорда Гирца и его последователей.*

Реализация данной цели предполагает решение следующих **задач**:

- выявить философско-антропологические основания концепции человека, представленной в работах К. Гирца;
- осуществить морфологический и структурный анализ концепции культуры, предложенной К. Гирцем;
- изучить методологию и методику интерпретативного подхода к культуре, выделив её специфику и эвристический потенциал;
- вскрыть особенности знаково-символических и дискурсных форм культуры, сформировавшихся в исследовательских практиках в рамках интерпретативной антропологии.

Теоретико-методологические основы исследования.

Методология настоящего исследования определяется характером осуществляемого анализа и логикой решения поставленных задач и состоит из следующих методов:

- теоретическую и методологическую основу исследования составляет историко-философский подход, который позволил вскрыть социокультурный и теоретический контекст формирования интерпретативной антропологии;
- метод теоретической реконструкции, при помощи которого была предпринята попытка воссоздать процесс формирования, развития и трансформации интерпретативной антропологии;
- проблемно-логический метод, который позволил определить проблемное поле исследования и сформулировать основные понятия;
- метод компаративного анализа, через призму которого можно выделить специфику различных вариантов концепции культуры и подходов к её изучению, а также установить преемственность рассматриваемых идей;
- диалектический метод, позволяющий понять генезис и внутреннюю взаимосвязь основных понятий и категорий интерпретативной антропологии, а также различных вариантов её прочтения;
- при анализе концепции культуры, предложенной К. Гирцем, применение нашли также системный подход и структурно-функциональный анализ;

Научная новизна настоящего диссертационного исследования определяется следующими результатами:

- выявлены философско-антропологические основания концепции человека в интерпретативной антропологии К. Гирца;
- осуществлён анализ семиотической концепции культуры, в результате чего была предложена одна из возможных моделей,

описывающих морфологическое и структурное строение культуры в культурологии К. Гирца;

– выделены специфика и эвристический потенциал методологии и методики интерпретативного подхода к культуре, а также проанализирована критика, вскрывающая их слабые стороны;

– вскрыты особенности знаково-символических и дискурсных форм культуры, сформировавшихся в исследовательских практиках представителей интерпретативного подхода в рамках культурной антропологии США.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Философским основанием антропологии К. Гирца является концепция Э. Кассирера, который рассматривал человека как «символическое животное», отличительной чертой которого является способность к производству символов, а также идеи С. Лангер и К. Бёрка, приведших антрополога к мысли о необходимости выделения символичности как основополагающей характеристики человеческого поведения. Само же поведение Гирц рассматривает как разновидность письма и предлагает осуществлять его интерпретацию. В совокупности эти идеи формируют концепцию человека, которую можно охарактеризовать как культурно-семиотическую, в основе которой лежит два основополагающих положения: во-первых, человеку необходимы дополнительные небиологические контрольные механизмы для организации собственного поведения; во-вторых, таким контрольным механизмом является культура, представляемая как система символов.

2. Основными элементами «ткани» культуры, согласно К. Гирцу, являются символы, которые, объединяясь, образуют более сложные структурные образования – символические комплексы, а они, в свою очередь – культурные системы (религия, идеология, здравый смысл, искусство), содержание которых можно разделить на два функциональных блока – этос и картину мира. Каждая из культурных систем формируется вокруг одной из множества возможных «перспектив» (установок) – естественной, религиозной, научной и эстетической. Четыре культурные системы, неся характер культурных универсалий и выполняют сходную функцию – формирование поведения в рамках определённой культуры.

3. Специфика интерпретативной методологии и методики исследования культуры К. Гирца заключается в текстуализации культурных феноменов – актов человеческого поведения, то есть

рассмотрения их как совокупности значимых символов, что открывает возможность работы с ними при помощи инструментов, разработанных для анализа текста. Одной из ключевых процедур в процессе интерпретации культурных феноменов является составление «насыщенного описания» – восстановления смысла действия по возможности как можно ближе к тому, который был заложен в них субъектом, его производящим. Характерной чертой интерпретативного подхода к культуре также является опора в исследовании на «близкие к опыту» понятия – то есть требование использования в своей работе понятий, понимаемых носителями исследуемой культуры, а также создание «народного описания» – некоего промежуточного продукта, который должен выполнять функцию связующего звена между сознанием носителей культуры и мировоззрением научного сообщества.

4. Знаково-символические и дискурсные формы культуры, характерные для исследовательских практик интерпретативной антропологии, складываются в процессе письменной фиксации культурно детерминированных актов человеческого поведения в ходе включённого наблюдения. Таким образом, культура в процессе этнографического исследования превращается в письменный текст, производство которого видится сторонниками интерпретативной антропологии как основная задача исследователя. В зависимости от позиции, занимаемой учёным и способа манифестации автора в тексте, культура, превращаемая в текст, может предстать в виде а) авторитарного монолога антрополога; б) направляемого антропологом диалога, или в) беспорядочной полифонии, многоголосия, без каких-либо попыток её упорядочения.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования. Результаты настоящего диссертационного исследования проясняют теоретические истоки и методологические основания интерпретативной антропологии, что позволяет уточнить сущность и особенности этого научного течения, выявить его место и роль как в культурной антропологии США, так и во всём комплексе наук о культуре и дисциплинах социогуманитарного блока. Осуществлённый в работе анализ позволяет очертить основные вехи становления, развития и трансформации этого феномена, что представляет интерес с точки зрения прогнозирования дальнейшего развития эпистемологических установок современных наук о культуре.

Данное исследование может также оказаться полезным для дальнейшей разработки проблематики, связанной с интерпретативным подходом в антропологии и его применением в сфере других наук: философии, культурологии, литературоведении, истории, этнографии и др.

Результаты данного исследования имеют практическую применимость в сфере разработки учебного курса по предмету «Социальная антропология», а также при подготовке учебно-методических материалов для прочих дисциплин культурологического, литературоведческого, исторического и других профилей. Знание научного творчества Клиффорда Гирца и его последователей необходимо для адекватного и всестороннего понимания целого ряда тенденций развития американской культурной антропологии во второй половине XX в.

Апробация работы осуществлялась:

– в ходе проведения семинарских занятий по следующим дисциплинам: «Социология», «Общая социология», «Социология духовной жизни», «Социология культуры», «Социология религии», «Политическая социология», «Социологические проблемы изучения общественного мнения», «Гендерная социология», «Этносоциология», «Социальная антропология», «Связи с общественностью», а также при подготовке материалов для ряда лекций по таким предметам как «Обществознание», «Общая социология» и «Социальная антропология»;

– в рамках участия в международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях: «Путь в науку», проводившейся на факультете управления СмолГУ 23 апреля 2005 г. и 26 апреля 2008 г., «Человек. Культура. Общество», проводившейся в Смоленском филиале Института управления и экономики (ИМЕ) (г. Санкт-Петербург) 28 апреля 2005 г., «Парадигма счастья в русской и польской культурах», проводившейся Университетом Казимира Великого (г. Быдгощ, Польша) совместно со Смоленским государственным университетом 5 июля 2007 г., «Науки о культуре в XXI веке», проводившейся Научно-образовательным центром Российского института культурологии совместно с Научным Советом РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, в содружестве с Театральным институтом им. Б. Шуккина и при поддержке Федерального агентства по культуре и кинематографии (г. Москва) 10–11 декабря 2007 г. и 10–11 декабря 2008 г., «Этнология – антропология –

культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия», проводившейся Российским институтом культурологии совместно с Институтом этнологии и антропологии РАН и Госфильмофондом РФ, при содействии Федерального агентства по культуре и кинематографии, Научного Совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия (г. Москва) 3-5 апреля 2008 г.;

По теме диссертации опубликовано 15 научных работ, в том числе 3 статьи в журналах из списка ВАК, общим объемом 4 п.л.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры социологии Смоленского государственного университета и на заседании кафедры философии Белгородского государственного университета.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав (4 параграфа), заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, формулируется цель и основные задачи диссертационного исследования, определяются её методологические основания, теоретические источники и эмпирическая база, оценивается степень научной разработанности анализируемой проблемы, характеризуется новизна и научно-практическое значение работы.

В *первой главе* «Предметно-теоретические основания интерпретативной антропологии» рассматриваются элементы, являющиеся концептуальным базисом интерпретативного подхода в рамках культурной антропологии, предложенного Клиффордом Гирцем.

Первый параграф «Культурно-семиотическая концепция человека в работах К. Гирца» посвящён рассмотрению антропологических идей американского учёного, как основания всей остальной концепции.

В параграфе раскрываются взгляды американского учёного на природу человека в свете современных ему открытий археологии, нейрофизиологии и других наук, изучающих человека. С развитием науки универалистская концепция человека, уходящая корнями в эпоху Просвещения, всё чаще стала демонстрировать свою несостоятельность. Искомая за наблюдаемым разнообразием единая и неизменная сущность homo sapiens продолжает ускользать. Это

привело учёных к мысли о некоем варьируемом блоке в структуре человеческого существа, называемом культурой.

Но с установлением такой картины бытия человека возникла необходимость решить вопрос о разграничении культурных, биологических и других черт. Были выделены биологический, психологический, социальный и культурный уровни организации homo sapiens. Остро встал вопрос о наличии или отсутствии каких-либо культурных универсалий. Клиффорд Гирц приходит к выводу, что поиск каких-либо универсалий является бесплодным, поскольку за внешне сходными явлениями часто скрываются механизмы совершенно различной природы, и наоборот – родственные явления предстают в разных культурах в совершенно разных обликах.

Гирц вообще подвергает критике попытки решить вопрос о сущности человека, вычленив инвариантные явления в его природе. Они, по его мнению, не позволяют сконструировать более или менее убедительную картину подлинных функциональных взаимоотношений между явлениями, имеющими культурное и какое-либо иное происхождение. Представления, будто суть человека с наибольшей чёткостью проявляется именно в тех чертах культуры, которые считаются универсальными, а не в тех, что являются специфическими для того или иного народа, учёный называет предрассудками.

Американский антрополог предлагает не противопоставлять различные стороны существования человека, а рассматривать их как переменные в рамках одной системы анализа. Для этого он выдвигает два основополагающих для его антропологической концепции положения:

1) человек – это животное, наиболее безнадёжно зависящее от внегенетических контрольных механизмов, то есть культурных программ, в деле упорядочения своего поведения;

2) культуру следует рассматривать как набор контрольных механизмов – планов, рецептов, правил, инструкций и программ, управляющих поведением людей.

Другими словами, Гирц предлагает не противопоставлять биологическое и культурное в человеке, а утверждает, что в процессе эволюции они развивались параллельно, что обусловило их взаимодополняемость в настоящем. В какой-то момент культура превратилась в неотъемлемую часть природы человека, ослабив генетический контроль. С этого времени человеческое существо потеряло свою самостоятельность и стало зависимым от культуры.

Основная масса биологических изменений, выделивших современного человека из его непосредственных предков, имела место в центральной нервной системе, в особенности в части головного мозга, который называется неокортекс. Новая физиология человека дала возможность накопления, переработки и передачи жизненного опыта в символических формах, сама при этом лишившись решающей роли в деле ориентировки поведения людей в окружающем мире.

Таким образом, согласно Гирцу, будучи творением человека, культура, в свою очередь, формирует нас как единый биологический вид и как отдельных индивидов, личностей. Именно эта черта и является универсальной для всего человеческого рода. А в антропологии путь к общему должен пролегать через изучение частного, локального, конкретного.

В диссертации обращается внимание, на то, что в ходе рассуждений относительно соотношения человека и культуры Клиффорд Гирц оказывается в русле философствования, характерного для представителей школы философской антропологии: М. Шелера, А. Гелена, Х. Плеснера. Образ человека как неспециализированного, эксцентричного «недостаточного существа», чьё положение в мире характеризуется странностью и необычностью, отсутствием собственной экологической ниши, необходимостью опосредованного отношения к себе и миру также близок американскому антропологу.

Философскими источниками концепции человека К. Гирца являются также идеи Э. Кассирера, С. Лангер и К. Бёрка. Эрнст Кассирер утверждал, что человек сумел открыть ещё один способ адаптации к окружающей среде, кроме рационального – символический. Он предложил идею, согласно которой язык, миф, науку и искусство следует рассматривать как специфические «символические формы». Философ указывает, что символическое мышление и поведение – самые характерные черты человеческой жизни, на которых зиждется весь прогресс человеческой культуры. Сьюзен Лангер, ученица Э. Кассирера, развивая его идеи, утверждает, что основной функцией мозга, является трансформация чувственных данных в символы. При этом потребность в символизации является одной из базовых потребностей человека. Что касается Кеннета Бёрка, то он утверждал, что человеческое поведение имеет природу «символического действия», то есть является процессом смыслопорождающим и фундаментально зависит от внешних значений и

символов. Взаимодействие между людьми регулируется при помощи риторической функции языка, который является символическим средством обеспечения кооперации существ, наделённых врождённой способностью воспринимать символы. Одной из самых ценных идей, легших в основу интерпретативной антропологии К. Гирца, была заимствованная у К. Бёрка мысль о том, что письмо является формой действия, а действие является формой письма или формой символического поведения, которое также должно поддаваться адекватному прочтению. Это позволяет использовать некоторые элементы семиотического подхода при изучении феномена человека и закономерностей его поведения. Особенностью же подхода Гирца, как показано в исследовании, является то, что символ в его концепции напрямую связан с социальным действием, а не существует в некоторой автономной сфере.

Исходя из вышеизложенного, в диссертации делается вывод, что концепция человека, предложенная Гирцем, явилась результатом осмысления открытий, сделанных в области антропологии в середине XX столетия, обусловивших необходимость рассмотрения феномена *homo sapiens* с позиций культурного детерминизма. При этом важное место в жизни человека занимает способность к символизации. Всё это позволяет охарактеризовать антропологическую концепцию К. Гирца как культурно-семиотическую.

Во *втором параграфе «Морфология культуры в культурологии К. Гирца»* анализируется строение модели культуры.

К. Гирц, отталкиваясь от своей концепции человека, понимает культуру как исторически транслируемую систему значений, воплощённых в символах; систему унаследованных представлений, выраженных в символических формах, посредством которых люди передают, сохраняют, развивают своё знание о жизни и отношении к ней. В исследовании подчёркивается, что это лишь одно из определений этого явления, встречающегося в работах антрополога. Это является характерной чертой его стиля: отсутствие единого и систематического изложения собственной концепции, развитие её положений в различных работах, опубликованных в разное время.

Каким же образом культура, видимая как система, действует, ориентируя и направляя наше поведение в окружающем мире? Понимание культуры как «контрольного механизма» начинается с предположения, что человеческая мысль в основе имеет одновременно общественный и публичный характер. Мышление

конституируется из постоянных движений того, что Д. Г. Мид называл значимыми символами, значение которых определяется социумом. Символ должен вызывать в индивиде некую группу реакций, подобных тем, которые он вызывает в другом. Это принципиально важно, так как, согласно Дж. Г. Миду, именно взаимосвязь некоего жеста с подобным набором откликов, как в самом индивиде, так и в другом, и превращает этот жест в то, что называют значимым символом.

Итак, элементарной частицей культуры учёный называет символ. К. Гирц не даёт никакого строгого определения, но оговаривает, что использует термин «символ» в отношении любого предмета, любых действий, явлений, свойств или связей, которые могут служить средством передачи и восприятия смысла. Главным образом в качестве подобных символов в человеческом сообществе используются слова, но ими также могут являться любые объекты и явления окружающего мира, которые выделяются из рамок обычной реальности и задействуются для придания опыту смысла. Важным моментом является то, что такого рода символы в большинстве своём выступают неотъемлемой частью социума, в котором живёт человек.

На основе анализа употребления К. Гирцем понятия «символ», в диссертационном исследовании делается вывод, что оно функционирует также как и понятие «знак», являясь его полным синонимом. Здесь проявляется характерная для американского антрополога склонность не чёткому, неканоническому употреблению терминов. «Символ» у Гирца – термин неопределяемый, точнее, определяемый только через контекст употребления при описании тех или иных явлений.

Из образований более высокого и сложного порядка в концепции культуры К. Гирца можно выделить культурные системы, которые складываются, по его мнению, из символических комплексов. Культурные системы, как полагает Гирц формируются на основе ряда «перспектив», детерминирующих восприятие объекта определённым образом. Их количество, в принципе, не ограничено, но антрополог выделяет четыре основных: религиозную, научную, естественную и эстетическую. Соответственно, они порождают четыре основных культурных системы: религию, идеологию, здравый смысл и искусство.

Культурную информацию, «записанную» посредством символов, то есть информацию, получаемую человеком от предков и

призванную направлять наше поведение, американский антрополог делит на два блока – этос и картину мира. В понятие «этос» Гирцем объединяются этические, эстетические и аксиологические аспекты культуры. Оно отражает характер и стиль жизни носителей данной культуры, образует основу отношения данного народа к самому себе и к миру. Картина мира содержит представления о формах существования объективной реальности, определённый способ понимания природы, человека, общества, идей об устройстве мироздания. Другими словами, это понятие объединяет гносеологические, онтологические и космогонические аспекты передаваемых представлений. Этос становится интеллектуально оправданным, если его представляют как олицетворение образа жизни, обусловленного реальным положением дел, которое описывается картиной мира. А картина мира, в свою очередь, становится эмоционально приемлемой, если её представляют как изображение реального положения дел, для которого такой образ жизни является аутентичным выражением.

Легитимация такого рода соотношения этоса и картины мира является функцией религии. Религия понимается как система символов, которая способствует возникновению у людей сильных, всеобъемлющих и устойчивых настроений и мотиваций, формируя представления об общем порядке бытия и придавая этим представлениям ореол действительности таким образом, что эти настроения и мотивации кажутся единственно реальными. Религия, по Гирцу, поддерживает надлежащее поведение тем, что рисует мир, в котором такое поведение является здравым смыслом. Мораль подаётся религией как реализм, практическая мудрость. То есть суть религиозного действия состоит в наделении авторитетом конкретного комплекса символов и метафизики, которую они выражают, а также стиля жизни, который они рекомендуют. Соединяя этос и картину мира, религия придаёт системе общественных ценностей качество, позволяющее ей обладать силой принуждения – видимостью объективности.

Однако религия, как одна из культурных систем, по наблюдениям К. Гирца, чаще всего наиболее успешно функционирует в обществах традиционного типа. В современных, модернизированных обществах религия постепенно уступает место идеологии, построенной на более рациональных механизмах объяснения существующей реальности. Идеология в его трактовке это карта социальной реальности и те

матрицы, по которым создаётся коллективное сознание. То, что идеология может занять место религии и/или здравого смысла, определяется политическими факторами.

На повседневном уровне наши действия чаще всего управляются набором правил, объединяемых общим понятием «здравый смысл». В ходе своих исследований Клиффорд Гирц приходит к выводу, что сами принципы, которыми мы руководствуемся при определении «здоровости» того или иного поступка, являются порождениями не объективных требований логики, а культуры, которая существует в данном месте и в данное время. Так, к примеру, на формирование понимания здравого смысла в рамках западной культуры оказало огромное влияние развитие такого социального феномена как наука.

Аналогичным образом обстоит дело и с искусством, точнее, с нашим восприятием художественных достоинств того или иного произведения – в разные эпохи и в разных странах приёмы эстетического воздействия, которыми пользуется художник, определяются характером общественной жизни, окружающей его и его публику.

В работе делается вывод, что четыре культурные системы, рассмотренные К. Гирцем, действительно носят характер культурных универсалий и выполняют сходную функцию – формирование поведения в рамках определённой культуры. Однако оговаривается, что, несмотря на очевидное влияние со стороны структурализма и семиотики, интерпретативная антропология далека от поиска абстрактных схем глобального масштаба. Гирц постоянно подчёркивает необходимость связи анализа с конкретной культурой, в чём выражалась его приверженность к «эмическому» подходу в антропологии. Знаки и символы, составляющие культуру, не должны подвергаться расшифровке и перекодированию, а должны наполняться конкретным содержанием, исходя из того, какое значение они имеют для окружающей их жизни. В результате сопоставления списка перспектив со списком рассматриваемых Гирцем культурных систем, сделан вывод о том, что американский антрополог разграничивает различные сферы символического, основываясь на типах использования символов – повседневном, религиозном и политическом. Итак, существует прямое соответствие между числом выделенных перспектив и количеством описываемых культурных систем: религиозная перспектива соответствует культурной системе религии, повседневная – культурной системе

здорового смысла, эстетическая – искусству. Таким образом, научная перспектива соответствует оставшейся из четырёх описанных Гирцем культурных систем – идеологии. Но в принципе, количество возможных перспектив не ограничено.

Отмечается также определённый функциональный параллелизм между тем, как действуют генетические механизмы наследования и культура, имеющая, однако, негенетическую, надбиологическую природу. В работе делается предположение, что такого рода ракурс рассмотрения был воспринят К. Гирцем из социологической теории Т. Парсонса, который, в свою очередь, находился под сильным влиянием естественных наук и перенял идею функциональной эквивалентности гена и символа у А. Эмерсона – специалиста по насекомым.

Гирцевская формулировка концепции культуры смещает акценты в определении сущности человека с эмпирических аспектов поведения *homo sapiens*, на механизмы, благодаря которым весь спектр потенциальных возможностей человека сужается до конкретных, реализуемых нами, поведенческих форм.

Вторая глава «Методология и методика интерпретативного анализа в рамках культурной антропологии» посвящена непосредственно процедурам культурного анализа, разработанного Клиффордом Гирцем.

Первый параграф «Интерпретативная методология К. Гирца и методика исследования культуры» посвящён вопросам, связанным с технологией проведения полевого исследования.

Отталкиваясь от занятия этнографическими исследованиями, как праксиса культурной антропологии, учёный ставит перед исследователем задачу построения так называемого «насыщенного» описания. Этнограф, находящийся в поле и проводящий включённое наблюдение, на первых порах находится в роли камеры, фиксирующей действия людей, но не способной на какое-либо их истолкование. Другими словами, не зная «языка», на котором «говорят» местные жители, исследователь не может «читать» исследуемый «текст». Он его не понимает, не может его адекватно интерпретировать.

Для того, чтобы преодолеть это препятствие, необходимо воссоздать дискурс – «образную вселенную» изучаемого народа, в рамках которого осуществляется коммуникация носителей культуры в каждый конкретный момент. «Насыщенное» описание будет составлено тем качественнее, чем полнее исследователь сможет

постиж смысл, вкладываемый информатором в те или иные символы, составляющие определённый текст. Анализ культуры, таким образом, должен состоять в угадывании значений, в оценивании догадок и выведении поясняющих заключений из наиболее удачных догадок.

Анализ культурных феноменов К. Гирц предлагает проводить при помощи герменевтических процедур. Вслед за антропологом, для раскрытия сути такого рода анализа, диссертант прибегает к помощи идей П. Рикёра, который под герменевтикой понимал «последовательное осуществление интерпретации». Понятие «интерпретация» французский философ призывает употреблять по отношению к пониманию, направленному на зафиксированные в письменной форме знаки, в качестве которых в рамках культурной антропологии выступают различные поведенческие реакции носителей изучаемой культуры, фиксируемые антропологом в полевом дневнике. Под пониманием он же подразумевает искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другими сознаниями через их внешнее выражение (жесты, позы, речь).

Такого рода интерпретация протекает в несколько этапов, на каждом из которых «сказанное» автономизируется по отношению к своему автору и условиям своего создания, претерпевая дальнейшие толкования. Это накладывает определённые ограничения на исследователя, что выражается в следующих характеристиках культурного анализа:

- близость теории к «почве», невозможность построения абстрактных схем;
- непрогностический характер исследования;
- неполнота: этнографические выводы являются по существу спорными.

Работа антрополога в данном случае скорее похожа на то, чем занимается литературный критик, а не дешифровщик. Этнограф постоянно сталкивается со множеством концептуальных структур, большинство из которых наложены одна на другую или просто перемешаны. И его задача состоит в том, что он должен их суметь понять и адекватно истолковать. Таким образом, можно заключить, что занятия этнографией сродни чтению манускрипта, который записан не общепринятыми графическими знаками, обозначающими звуки, а мимолётными примерами социального поведения.

Этнографическое описание должно быть выполнено с точки зрения тех интерпретаций, которые производятся самими носителями культуры – должна быть воспринята и зафиксирована «точка зрения туземца». Из этого следует, что К. Гирца можно отнести к сторонникам так называемого «эмического» подхода в антропологических исследованиях.

Антропологические работы представляют собой интерпретации. При этом интерпретации первого порядка, доступны исключительно носителям данной культуры, которые производят действие. Информант, пытающийся объяснить что-либо исследователю, вынужден создавать новую интерпретацию, так называемую «аборигенную» или «туземную модель». Такая модель представляет собой интерпретацию второго порядка, предлагаемую учёному для анализа. Значит, антропологические работы являются интерпретациями второго, третьего и более высоких порядков, интерпретациями интерпретаций. Здесь возникает угроза статусу антропологического знания как объективного и научного, встаёт вопрос о необходимости верификации, или хотя бы оценки научности проделанной работы. В связи с этим Клиффорд Гирц предлагает следующий критерий: он заявляет, что правдивость этнографического описания зиждется на способности исследователя прояснить суть описываемых событий.

Интерпретативная антропология, таким образом, предстаёт как наука, прогресс которой отмечается не столько совершенствованием согласия, сколько оттачиванием споров. «То, что в ней улучшается, – это точность, с которой мы поправляем друг друга», – писал Гирц.

В параграфе также рассматриваются критические работы, направленные на вскрытие ограничений, которые содержит в себе методология и методика интерпретативного подхода. В частности, при перенесении её в сферу истории или литературоведения многие ключевые в подобного рода исследовании моменты уже будут недоступны для реализации. В частности, невозможно будет построить диалог, призванный верифицировать выстраиваемые исследователем конструкты, опробовать их на предмет «узнавания» носителями изучаемой культуры.

Во *втором параграфе «Знаково-символические и дискурсивные формы культуры в исследовательских практиках культурной антропологии»* рассматривается понятие текста в его функциональном аспекте в рамках культурных исследований интерпретативной антропологии.

Одной из отличительных особенностей гирцевского подхода к культуре является трактовка акта социального действия носителя культуры как значимого символа, порождаемого культурой. Совокупности таких символов объединяются в текст, который исследователю предстоит интерпретировать. Но это понимание доступно лишь тем, в ком исторически сформировалась способность оценить такую конструкцию.

Мысль о возможности рассмотрения социального действия как текста развилась у американского антрополога под влиянием идей Поля Рикёра. В этой связи в работе более подробно рассматриваются некоторые идеи французского философа. Действие несёт в себе изначальное сходство с миром знаков в той мере, в какой оно формируется с помощью знаков, правил, норм, короче говоря – значений. Если обобщить все эти характеристики, употребив термин «символ», то можно говорить о действии, как о чём-то неизменно символически опосредованном. Но символические системы обладают способностью структурироваться в совокупности значений, поэтому их строение можно сравнить со строением текста. Для понимания смысла, например, какого-либо обряда, необходимо определить его место в ритуале, а место ритуала – в контексте целого культа, а культ, в свою очередь, должен занимать своё место в системе всей культуры. Таким образом, исследователь сталкивается с ситуацией герменевтического круга, когда часть невозможно понять без понимания её места в целом, а целое невозможно понять без понимания его частей. Самые обширные и всеохватывающие системы выступают в качестве контекста для описания символов, а также для действий, опосредуемых символически. Один и тот же жест открыт бесчисленному множеству интерпретаций.

Однако интерпретация культурного материала происходит не сразу – в поле антрополог лишь фиксирует то, что он видел сам, как ему это интерпретировал информант. Действия, поддающиеся прочтению, превращаются в квазитекст. При этом возможен переход от текстуры действия к тексту полевого дневника, который пишется этнологами и социологами, то есть к письменному тексту в самом прямом смысле. Таким образом, исследуемая культура превращается в комплекс полевых заметок. Но этот текст должен писаться учёными на основе определённых категорий, понятий, объясняющих принципов. Только в этом случае он будет научным. А это возможно, только если изучаемое действие будет обладать определённым

свойством – интеллигибельностью. Эти полевые записи через какое-то время становятся снова объектом интерпретации. Причём они уже обладают определённой самостоятельностью и независимостью от автора. Полевые дневники подвержены множественным интерпретациям, осуществляющимся в различных временных и пространственных условиях: как в поле, так и по возвращении на родину, как в непосредственной скорости после произведённых наблюдений, так и по прошествии неопределённого количества времени. При этом в роли интерпретатора могут выступать как другие люди, так и сам автор интерпретируемого текста.

Всё это позволяет говорить о деятельности антрополога, как о «записывании» культуры, имеющей перед собой две задачи:

- облечь социальный дискурс в форму, доступную для анализа;
- спасти «сказанное» в этом дискурсе от исчезновения.

Однако то, что исследователи записывают, или пытаются записывать, не есть социальный дискурс в его чистом, необработанном виде. Учёным доступна лишь малая его часть, которая открывается им для понимания через информантов. Многие антропологу приходится воссоздавать и додумывать самому. Конечно, между этнографической работой и сочинительством существует немаловажная разница: в первом случае события и герои подаются как реальные, во втором – как вымышленные. Различны также условия и цель их создания. Однако и литературные романы, и этнографические описания антропологов представляют собой нечто «созданное» – «fictio», считал Гирц.

Отсюда проистекает и аналогия между деятельностью антрополога и работой писателя. В культурной антропологии появляется новая концепция этнографической работы, смысл которой заключается в рассмотрении этнографии как процесса письма, перенесения каких-то сущностей на бумагу. Культура как объект исследования при этом предстаёт в виде письменного текста, являющегося продуктом деятельности антрополога. Это позволяет проникнуть в антропологию проблематике, которая ранее была характерна только для литературоведения: роль риторических фигур и стиля повествования антрополога в создании эффекта истинности излагаемого; проблема манифестации автора в тексте; вопрос о статусе представляемого антропологом текста; «полифония» в тексте и т. д. Всё это приводит к спорам по поводу статуса научности получаемого антропологами

знания, которые ведутся в контексте формирования новой, неклассической эпистемологической парадигмы.

В диссертации предлагается классификация форм культуры в зависимости от позиции, занимаемой исследователем. Итак, культура, превращаемая антропологом в текст, может предстать в виде а) авторитарного монолога антрополога; б) направляемого антропологом диалога, или в) беспорядочной полифонии, многоголосия, без каких-либо попыток её упорядочения.

В результате анализа концепции культуры в исследовательских практиках интерпретативной антропологии делается вывод, что она носит знаково-символический и дискурсный характер.

В **заключении** диссертации подводятся итоги и формулируются возможные направления дальнейшего исследования поднятых в работе проблем, обосновывается практическая значимость полученных результатов.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

Публикации в журналах из списка ВАК

1. Килькеев, В.Н. Интерпретативная антропология К. Гирца и постмодернистское движение в культурной антропологии США / В.Н. Килькеев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 37 (80): Аспирантские тетради: Научный журнал. – СПб: ООО «Издательский Дом», 2008. – С. 147–151. (0,5 п.л.)

2. Килькеев, В.Н. Клиффорд Гирц: концепция культуры и семиотический подход к её изучению / В.Н. Килькеев // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. Выпуск 11. – Челябинск: ЧелГУ, 2009. – № 11 (149). – С. 138–142. (0,5 п.л.)

3. Килькеев, В.Н. Клиффорд Гирц о контроверзах постижения культуры и человека / В.Н. Килькеев // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Выпуск 7. – Белгород: БелГУ, 2009. – № 2 (57). – С. 166–172. (0,5 п.л.)

Статьи и материалы докладов

4. Килькеев, В.Н. Интерпретативная антропология К. Гирца / В.Н. Килькеев // Путь в науку. Материалы научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей. Выпуск 1. (23 апреля 2005 г.). – Смоленск: СГПУ, 2005. – С. 43–47. (0,25 п.л.)

5. Итунина, Н.Б., Килькеев, В.Н., Рыбаков, А.Г. Трансформации и современное состояние социальной антропологии / Н.Б. Итунина, В.Н. Килькеев, А.Г. Рыбаков // Путь в науку. Материалы научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей. Выпуск 1. (23 апреля 2005 г.). – Смоленск: СГПУ, 2005. – С. 38–43. (0,1 п.л.)

6. Килькеев, В.Н. Драматургический подход Ирвинга Гофмана: эмоциональные проявления как социальные эстафеты / В.Н. Килькеев // Социальные трансформации (Выпуск 9): материалы международного коллоквиума «Социальные трансформации: Механизмы научного и социокультурного взаимодействия (Концепция социальных эстафет М.А. Розова)». – Смоленск: СГПУ, 2005. – С. 50–58. (0,4 п.л.)

7. Итунина, Н.Б., Килькеев, В.Н., Рыбаков, А.Г. Философия и социальная антропология: взаимодействие и интеграция / Н.Б. Итунина, В.Н. Килькеев, А.Г. Рыбаков // Социальные трансформации (Выпуск 9): материалы международного коллоквиума «Социальные трансформации: Механизмы научного и социокультурного взаимодействия (Концепция социальных эстафет М.А. Розова)». – Смоленск: СГПУ, 2005. – С. 44–50. (0,1 п.л.)

8. Килькеев, В.Н. К. Гирц: балиец как личность, растворённая в социуме / В.Н. Килькеев // Путь в науку. Материалы научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей. Выпуск 2. (22 апреля 2006 г.). – Смоленск: СГПУ, 2006. – С. 133–137. (0,25 п.л.)

9. Итунина, Н.Б., Килькеев, В.Н., Рыбаков, А.Г. Формы и модели интеграции философского и социально-гуманитарного познания / Н.Б. Итунина, В.Н. Килькеев, А.Г. Рыбаков // Интеграция науки и образования в современном экономическом пространстве. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (25–26 апреля 2006 г.). – Смоленск: ЗАО «Персонал Центр», СИЭ СПбАУИЭ, 2006. – С. 11–15. (0,1 п.л.)

10. Килькеев, В.Н. Изучение наследия К. Гирца в отечественной науке / В.Н. Килькеев // Путь в науку. Материалы научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей. Выпуск 3. (21 апреля 2007 г.). – Смоленск: СмолГУ, 2007. – С. 176–180. (0,25 п.л.)

11. Килькеев, В.Н. Проблема научности современного социально-гуманитарного знания / В.Н. Килькеев // Человек в современных философских концепциях: материалы Четвёртой международной конференции, г. Волгоград, 28–31 мая 2007 г. В 4 т. Т. 2. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – С. 480–484. (0,25 п.л.)

12. Итунина, Н.Б., Килькеев, В.Н., Молодцова, И.В. Символизация и её культурные формы / Н.Б. Итунина, В.Н. Килькеев, И.В. Молодцова // Социальные трансформации (Выпуск 13): материалы международного коллоквиума «Феномен социальной мимикрии: миф в сознании человека». – Смоленск: СмолГУ, 2007. – С. 32–37. (0,1 п.л.)

13. Килькеев, В.Н. Клиффорд Гирц: анатомия культуры / В.Н. Килькеев // Науки о культуре в XXI веке: сборник материалов ежегодной конференции-семинара молодых учёных. Т. 8. – М.: РИК, 2007. – С. 123–128. (0,3 п.л.)

14. Килькеев, В.Н. Об особенностях этнографического метода (включённого наблюдения) в социологии / В.Н. Килькеев // Путь в науку. Материалы научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей. Выпуск 4. (26 апреля 2008 г.). – Смоленск: СГПУ. 2008. – С. 14–17. (0,25 п.л.)

15. Килькеев, В.Н. Трансформации модели культуры и методологии её изучения: от интерпретативной антропологии к постмодернизму / В.Н. Килькеев // Науки о культуре в XXI веке: сборник материалов ежегодной конференции-семинара молодых учёных. Т. 9. – М.: ТВТ Дивизион, 2008. – С. 121–127. (0,3 п.л.)

10-

Подписано в печать 02.10.09. Формат 60×84 ¹/₁₆

Гарнитура Times New Roman.

Печ.л. 1. Тираж 100 экз. Заказ № 159

Издательство «Универсум»

214014, г. Смоленск, ул. Герцена, д.2.

Тел./факс: (4812), 64-70-49; e-mail: uni@shu.ru